

кого, спрашивается, нѣтъ увлеченій, или теоретическихъ крайностей!? Это все-таки не мѣшаетъ работать вмѣстѣ и цѣнить человѣка, какъ дѣятеля и человѣка искретняго.

Мы съ нимъ немного расходимся въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программахъ организационнаго начала, въ смыслъ организацій всякаго рода обществъ.

Не отрицая этого въ принципѣ, мы считаемъ, что онъ недостаточно знаетъ условія жизни русскаго пролетаріата.

Это есть такая же крайность, какъ выдвиганіе на первый планъ политической агитаціи и борьбы. Какъ то, такъ и другое есть плодъ теоретизированія, съ одной стороны, а не знаніе условій жизни русскаго пролетаріата — съ другой. Во всемъ остальномъ у насъ полное согласіе, и это разногласіе не помѣшаетъ намъ вмѣстѣ работать...

Вашъ Г.

Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалъдемократовъ“.

Въ 1885 году Группа Освобожденія Труда издала „Проектъ программы русскихъ социалъдемократовъ“.

Проектъ этотъ перепечатанъ теперь въ видѣ приложенія къ двумъ письмамъ г. Аксельрода, одного изъ членовъ Группы Освобожденія Труда, корорья также посвящены программнымъ вопросамъ.

Появленіе этой брошюры: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социалъдемократовъ“, обяываетъ практическихъ дѣателей русскаго рабочаго движенія обратить специальное вниманіе на програмно-тактическіе вопросы и перейти наконецъ отъ проектовъ программы къ самой программѣ, тѣмъ болѣе, что программа Группы Освобожденія Труда кладетъ свою печать на издаваемую за границей русскими социалъдемократами литературу. Группа Освобожденія Труда состоитъ редакторомъ этихъ изданій. Въ случаѣ несоотвѣтствія программы группы съ современными нуждами и задачами рабочаго движенія послѣднее оказалось бы лишеннымъ нужной ему литературы.

Группа Освобожденія Труда оказала серьезныя услуги русскому рабочему движенію*)...

Но теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились. Намъ приходится считаться теперь не съ интеллигенціей, стремящейся найти матеріальную силу для осуществленія своихъ плановъ, а съ существующимъ рабочимъ движеніемъ, выработавшимъ свои формы, свои

*) Здѣсь авторъ дѣлаетъ намъ нѣсколько комплиментовъ, которые мы опускаемъ, такъ сказать за неважностью.

ближайшія задачи, свою литературу, наконецъ, свою программу и тактику. Программа годная для интеллигентовъ, идущихъ „къ рабочимъ“, не годна для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои „самодовлѣющіе интересы“, какъ экономическіе и интеллектуальные, такъ и правовые и политическіе. А вѣдь въ этой защитѣ интересовъ рабочихъ, какого бы они характера не были, все содержаніе рабочаго движенія. Мы думаемъ, поэтому, что прозектъ программы Группы Освобожденія Труда 1885 года не можетъ стать программой русскаго рабочаго движенія. Жизнь переросла этотъ прозектъ. Условія мѣста, заграница, и времени, 1885 г., наложили на него столь рѣзкую печать, что онъ не соответствуетъ состоянію рабочаго движенія въ Россіи въ 1898 г.

Въ самомъ дѣлѣ: программа эта выработана Группой Освобожденія Труда въ то время, когда еще организованномъ рабочемъ движеніи въ Россіи не было и рѣчи. Свое первое письмо Аксельродъ начинаетъ словами: „Скоро будетъ 15 лѣтъ какъ родилась русская социалдемократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ“. Столь неестественное рожденіе русской рабочей партіи на свѣтъ божій — внѣ Россіи, среди эмигрантовъ — очень характерно. Оно показываетъ, что русское революціонное движеніе переживало въ то время острый кризисъ. Отпечатокъ этого кризиса мы находимъ и въ программѣ Группы Освобожденія Труда. А именно: программа эта, по словамъ Аксельрода, явилась отвѣтомъ на вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борь-

бу съ наибольшими шансами на побѣду?“ (стр. 4). Вотъ отвѣтъ: „Образованіе рабочей революціонной партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма“ (стр. 4). Другими словами: не въ интересахъ рабочаго класса центръ тяжести всей программы, а въ русской революціи и самый „прозектъ программы“ не есть программа рабочаго движенія, а программа продолжающагося движенія среди русской революціонно-демократической интеллигенци.

Конечно, обстоятельство это еще вовсе не обозначаетъ принесенія въ жертву пролетаріата „другимъ общественнымъ силамъ“, интеллигенція не представляетъ собой общественной силы; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. „Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовлѣющими интересами пролетаріата и не отдаленными цѣлями социализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для ближайшихъ общедемократическихъ интересовъ русскаго революціоннаго движенія, для обезпеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса вообще, то есть и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ. . . . Несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и социальными тенденціями и задачами воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократическіе элементы нашей интеллигенци“ (стр. 9). Для Группы Освобожденія Труда мысль о рабочемъ движеніи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ революционными традиціями демократической интеллигенци. Ну, а для рабочихъ?

Итакъ въ интересахъ трудящагося класса, помощью трудящагося класса — и цѣль, и средства черпаются, слѣдовательно, въ рабочемъ классѣ, но посредникомъ между цѣлью и средствомъ все же остается демократическая интеллигенція, русскіе революціонеры, которые по собственному усмотрѣнію опредѣляютъ нужды рабочего класса, которые по собственной инициативѣ предпринимаютъ организацию этого класса. Очевидно формула интеллигенціи, все для рабочихъ и все черезъ посредство рабочихъ, не вполне совпадаетъ съ тезисомъ: „Освобожденіе рабочего класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Последняя формула предполагаетъ среди рабочихъ инициативу и понимание своихъ собственныхъ нуждъ и задачъ. Напротивъ Аксельродъ игнорируетъ сознание рабочихъ и ихъ инициативу. Именно въ силу этого обстоятельства могло произойти то, что Грушна Освобожденія Труда раньше опредѣлила цѣль, низверженіе самодержавія, и лишь послѣ обратилась къ средству, пролетариату. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло формулировано въ программѣ и письмахъ Аксельрода. Несомнѣнно ближайшимъ-же послѣдствіемъ подобной постановки задачъ рабочего движенія будутъ возмущенія рабочихъ противъ „ига интеллигентовъ“ и выступленіе „рабочей мысли“ въ защиту своей самостоятельности отъ опеки интеллигенціи.

Между прочимъ, то обстоятельство, что для нашихъ русскихъ товарищей центральнымъ пунктомъ программы являются „самодовлѣющіе интересы пролетариата“, а не низверженіе абсолютизма, служить для Аксельрода поводомъ обвинить ихъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Мы думаемъ, что такое обвиненіе неоснова-

тельно. Неосновательно оно потому, что русскимъ товарищамъ на практикѣ волей-неволей приходится считаться съ тою ступенью сознания рабочими своихъ интересовъ, которое въ дѣйствительности уже достигнуто различными группами рабочего класса въ Россіи. Всякій практическій дѣятель долженъ строить свою агитацію на нуждахъ „дѣйствительно ощущаемыхъ рабочимъ классомъ“, на интересахъ „сознанныхъ данной мѣстностью“ (*). Исторія дѣлается массаи (**), поэтому сознание только массъ является историческимъ факторомъ (***)). Таковъ принципъ, лежащій въ основѣ такъ называемой „экономической агитаціи“, исходящей изъ повседневныхъ нуждъ, уже сознанныхъ рабочимъ классомъ. Этотъ принципъ экономической агитаціи составляетъ для Аксельрода „аксіому, истину, не требующую доказательствъ и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя“ (стр. 26). Разъ принципъ построенія агитаціи на сознанныхъ рабочихъ интересахъ является такой аксіомой, то не обусловливается ли спеціализация русскихъ социалдемократовъ на экономическихъ вопросахъ *содержаніемъ* *сознанія русскихъ рабочихъ*? Въ этомъ случаѣ объ индифферентизмѣ не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, приходится удивляться пониманію и выдержкѣ рус-

*) Аксельродъ.

**) Плехановъ.

***) Слѣшимъ оговориться, — мы говоримъ объ организованномъ рабочемъ движеніи, сознательно преслѣдующемъ опредѣленные цѣли, а не о стихійномъ движеніи массъ, разрушающемъ существующее изъ за его отрицательныхъ сторонъ, но не имѣющемъ въ виду опредѣленныхъ цѣлей; мы не строимъ исторической схемы, а беремъ одинъ факторъ исторіи — организованное рабочее движеніе.

скихъ товарищей, сѣумѣвшихъ, несмотря на ужасныя политическія условія, сохранить въ себѣ чувство мѣры. Только эта сдержанность и выдержка позволила нашимъ русскимъ товарищамъ явиться истинными помощниками рабочихъ въ ихъ борьбѣ, въ ихъ защитѣ своихъ интересовъ.

А о томъ, что тактика русскихъ товарищей увѣчалась полнымъ успѣхомъ, свидѣтельствуетъ самъ Аксельродъ. Онъ рассказываетъ намъ, какъ молодые социальдемократы начали съ того, что понесли въ рабочую среду ученія Маркса, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы для будущей рабочей партіи. Въ серединѣ 90-хъ годовъ въ кругу марксистской молодежи и спропагандированныхъ рабочихъ накопилось уже столько активныхъ (рабочихъ) силъ, что оказалось возможнымъ перейти къ агитаціи въ массахъ. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму поддержки и организаціи одной лишь экономической борьбы. Такимъ образомъ русскіе социальдемократы изъ мирныхъ пропагандистовъ, просвѣтителей, превратились въ живую, активную, революціонную силу. Стачечное движеніе, въ свою очередь, въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ правительствомъ и успѣло уже выдвинуть предъ ними вопросъ о политическихъ правахъ (стр. 12, 13, 18, 19). Несомнѣнно, эта тактика русскихъ социальдемократовъ родилась не изъ ихъ головъ: она коренилась въ самой дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности были и силы, и средства необходимыя для выполненія тѣхъ задачъ, которыя выдвигались на очередь социальдема. Существуютъ-ли въ русской дѣйствительности силы и

средства для примѣненія тактики рекомендуемой Группой Освобожденія Труда? Въ проэктъ Группы Освобожденія Труда сказано: „Борьба противъ самодержавія обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою зачатки будущей русской рабочей партіи... Организациі эти не довольствуясь частными столкновениями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти въ удобный моментъ, къ общему рѣшительному на него нападенію“. И такъ, немедленная, непрестанная борьба съ русскимъ самодержавіемъ! Неправда-ли, какъ много „путей“ и „силъ“ предлагается намъ русская дѣйствительность для веденія этой борьбы?

Намъ кажется, главный недостатокъ программы Группы Освобожденія Труда состоитъ въ томъ, что въ ней слишкомъ много вниманія обращено на внѣшнія отношенія пролетаріата, главнымъ образомъ къ правительству, и совершенно не приняты во вниманіе его внутреннія отношенія: степень развитія въ немъ организаціи, сознаніе своихъ интересовъ и пр., т. е., не приняты во вниманіе „самодовлѣющіе интересы“ пролетаріата. Объясняется это обстоятельство происхожденіемъ программы Группы Освобожденія Труда изъ революціонныхъ традицій русской интеллигенціи.

Между тѣмъ, дѣятельность полководца и дипломата лишь тогда и въ той мѣрѣ можетъ имѣть успѣхъ, когда и въ какой мѣрѣ за нимъ стоитъ реальная сила. Такой *реальной силой* въ рабочемъ движеніи является степень сознанія рабочимъ классомъ своихъ интересовъ и степень его организованности. Но сознаніе это такъ же какъ и организованность не случайныя или произвольныя вещи. Сознаніе массою или отдѣльными

группами рабочего класса своих интересов развиваются по определенным законамъ, въ зависимости отъ полноты и содержания социального опыта массъ. Жизнь постоянно ставитъ передъ сознаниемъ рабочихъ все новые и новые интересы. Совокупность общественныхъ отношений—экономическихъ, правовыхъ, политическихъ etc. — определяетъ какіе интересы могутъ быть у рабочихъ, но не определяетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь. Съ помощью социального опыта, житейской практики etc., сознание рабочихъ массъ постоянно нагоняетъ реальныя общественныя отношения, никогда не отождествляясь съ ними. Поэтому то намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ. Развиваясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени, сознание массъ дѣлаетъ бесплодными всѣ попытки насиловать естественный ходъ развитія рабочего движенія*). На извѣстной ступени своего разви-

*) Доказательствомъ въ пользу этого тезиса служить, между прочимъ, судьба программы 1885 г. Прошло 13 лѣтъ со времени появленія ея на свѣтъ, — русское рабочее движеніе развивалось, крѣпло и шло своимъ путемъ, совершенно игнорируя ея существованіе. Такимъ образомъ, программа эта подверглась самой суровой изъ всѣхъ возможныхъ критикъ: критикѣ исторіи. Теперь, черезъ 13 лѣтъ, намъ снова предлагаютъ ее, ни юты не убавивъ. Неужели-же за эти 13 лѣтъ такъ таки и не произошло никакихъ измѣненій ни въ русской жизни, ни въ самомъ рабочемъ движеніи? Или оно до сихъ поръ представляетъ собою *quantité négligeable*? Можно сказать, конечно, что „тѣмъ хуже“ для движенія, игнорирующаго эту программу; но и послѣ такого осужденія оно едва ли все таки измѣнитъ свою тактику...

тія оно ставитъ вопросъ о политической революціи. Такимъ образомъ, низверженіе самодержавія относится къ самодовольствующимъ интересамъ рабочего класса какъ частное, временное—къ общему постоянному. Несомнѣнно русское рабочее движеніе чреватое политической революціей. Но вопросъ не въ томъ богато ли оно при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть реализованы, другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила? Тѣмъ болѣе у насъ основаній быть терпѣливыми, что до сихъ поръ развитіе рабочего движенія въ Россіи шло крайне успешно.

Столь же закономѣрно развиваются и рабочія организации. Ихъ развитіе означаетъ ростъ сознанія общности интересовъ, сознанія, приводящаго къ совместной защитѣ своихъ правъ. Подобно сознанію содержащихъ своихъ интересовъ, сознаніе ихъ общности, выражающейся въ той или иной организации, развивается закономѣрно, въ зависимости отъ всей совокупности окружающихъ условій. На западѣ боевыя политическія и экономическія организации были подготовлены мирными организациями. Кассы борьбы развились изъ обществъ взаимопомощи. Рядомъ съ обществами взаимопомощи различныя товарищества (производительныя, потребительныя), образовательныя общества и общества развлеченія (главнымъ образомъ музыкальныя) воспитали въ рабочемъ классѣ способность къ участию въ обществахъ, союзахъ, организацияхъ. Всѣ эти типы организаций процвѣтали и процвѣтаютъ среди ремесленниковъ. Когда развитіе производительныхъ отноше-

ний привело къ капиталистической эксплуатаціи наемнаго труда, рабочіе уже имѣли привычку дѣйствовать сообща. Возникновеніе новаго интереса, борьбы съ предпринимателями, привело къ его удовлетворенію тоже „сообща“. Этого, такъ сказать, организационный духъ ремесленныхъ массъ, попавшихъ въ капиталистическую эксплуатацію, составляетъ одинъ изъ главныхъ факторовъ современнаго рабочаго движенія. За мирными организаціями и союзами борьбы послѣдовали политическія организаціи, въ которыхъ опять-таки первое мѣсто принадлежитъ бывшимъ ремесленникамъ, „обученнымъ“ рабочимъ. Съ другой стороны масса необученныхъ чернорабочихъ, отцы и дѣды которыхъ эмигрировали изъ деревень на фабрики и въ концѣ до сихъ поръ являются на западѣ преимущественно неорганизованной, стихійной массой, неспособной къ той выдержанной защитѣ своихъ интересовъ, которую мы находимъ у обученныхъ. Постепенное, медленное, но непрерывное развитіе среди нихъ мирныхъ организацій — обществъ взаимопомощи, развлечения, потребительныхъ и образовательныхъ — общается въ будущемъ и изъ этихъ необученныхъ рабочихъ сдѣлать столь же надежныхъ солдатъ арміи пролетаріата, какими являются въ данное время потомки ремесленниковъ. Всякая организація важна, но особенно важны мирныя организаціи, захватывающія всѣ стороны жизни рабочаго, приучающія его къ исполненію общественныхъ обязанностей, каждодневно заставляющія его поступать „сообща“ съ товарищами. Боевыя же организаціи захватываютъ рабочаго крайне односторонне и крайне рѣдко — лишь въ моменты боевого возбужденія. Поэтому воспитательная роль боевыхъ организацій не

можетъ сравниться, въ этомъ отношеніи, съ воспитательною ролью мирныхъ.

А что представляетъ собою, въ отношеніи сознанія, русскій пролетаріатъ? Вотъ мнѣніе Аксельрода: „На-чавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства онъ и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состояніи, въ тискахъ абсолютизма — совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки поднятись на высоту революціонной силы“. Далѣе онъ говоритъ о „современной низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія народныхъ массъ въ Россіи“ („О тактикѣ“, стр. 15-16). „У рабочаго класса слишкомъ мало политическихъ знаній и опыта, съ одной стороны, и легальныхъ точекъ опоры для коллективной самодѣятельности, съ другой“ (Neue Zeit 1897-98, № 31, стр. 147). Можно ли этотъ рабочій классъ, глубоко тонущій въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, стоящій на низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитія, не имѣющій политическихъ знаній и опыта — звать на борьбу съ абсолютизмомъ? Признаемся, мы не понимаемъ логической связи между сужденіемъ Аксельрода о русскихъ рабочихъ, и той программой, которую онъ имъ предлагаетъ.

Однако перейдемъ изъ области мнѣній въ область дѣйствительности. Существуютъ-ли въ нашемъ рабочемъ движеніи проявленія, указывающія, что въ рабочемъ классѣ уже теперь имѣются силы, съ которыми можно было-бы начать политическую борьбу? Чтобы можно было отъ „односторонней“ экономической агитаціи перейти къ агитаціи политической, къ нападенію

на абсолютизм? Мы видимъ, что такихъ проявленій нѣтъ и думаемъ, что политическая борьба можетъ быть лишь тогда включена въ программу русской социальдемократіи, когда въ ея распоряженіи будутъ находиться *силы и средства* для этой борьбы, когда политическая борьба явится *потребностью*, „*дѣйствительно ощущаемой рабочимъ классомъ*“, *интересомъ*, „*сознаннымъ данной мѣстностью*“. Иначе ея программа относилась бы къ области фантазіи, но не дѣйствительности. Программа-же должна быть выраженіемъ того, что мы дѣлаемъ и должны дѣлать, а не того, о чемъ мы мечтаемъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣшимъ оговориться. Вышесказанное можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что русскіе социальдемократы должны перестать касаться политическихъ вопросовъ въ своей пропагандѣ. Подобное толкованіе нашихъ словъ ошибочно.

Дѣло въ томъ, что мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ различать *содержаніе нашей программы* отъ *содержанія нашей агитаціи*. Пропаганда имѣетъ своей цѣлью расширеніе кругозора пропагандируемыхъ лицъ, сообщеніе имъ новыхъ свѣдѣній, способныхъ повысить уровень ихъ интересовъ, потребностей. Помощью пропаганды мы развиваемъ сознание своихъ интересовъ у пропагандируемыхъ; мы приближаемъ это сознание къ реально-существующимъ общественнымъ отношеніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, конечно, что пропаганда фантастическихъ интересовъ, не соответствующихъ общественнымъ отношеніямъ, никогда не можетъ быть успѣшна. Интеллигентъ и образованный рабочій полезны массѣ (какъ пропагандисты) лишь по столько, по сколько они помогаютъ ей своими знаніями-

ми разобраться въ окружающемъ, въ существующихъ отношеніяхъ. Но и пропаганда интересовъ, базирующихся въ реальныхъ общественныхъ отношеніяхъ, не всегда успѣшна: пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознание рабочимъ своихъ интересовъ; это сознание развивается закономерно въ зависимости не отъ одной лишь пропаганды, а главнымъ образомъ отъ личнаго жизненнаго опыта рабочаго. Сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь.

Напротивъ, въ агитаціи мы исходимъ изъ потребностей, уже существующихъ у агитируемыхъ лицъ, изъ интересовъ, уже сознанныхъ, ощущаемыхъ ими. Роль агитатора сводится не къ доказательству того, что положеніе данной личности можетъ быть улучшено;—это дѣло пропагандиста; дѣло-же агитатора — *указать пути и средства* человеку, уже знающему, что ему нужно. Агитаторъ пользуется недовольствомъ, существующимъ въ массѣ, и указываетъ ей *практическіе пути* для достиженія желанной цѣли. Агитаторъ, такъ сказать, придаетъ опредѣленную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту. Характерна въ этомъ отношеніи лѣтняя стачка 1896 г. въ Петербургѣ. Она началась 22-го мая, первыя-же прокламаціи появились 30-го. Рабочіе сами писали и распространяли листки; — рукописные листки, переписанные въ нѣсколькихъ экземплярахъ, съ большимъ успѣхомъ гуляли по рукамъ; въ другихъ случаяхъ рабочіе приносили къ агитаторамъ для печати листокъ уже написанный ими самими, или же доставляли свѣдѣнія, прося

по нимъ составить листокъ. Словомъ, вся инициатива протеста исходила изъ рабочихъ массъ, а агитаторамъ оставалось лишь дать определенную форму существующему (въ другихъ случаяхъ готовящемуся) протесту. И таково всегдашнее положеніе агитатора.

Такимъ образомъ, задача пропагандиста—довести людей до сознанія своихъ интересовъ; задача агитатора—указать людямъ путь для удовлетворенія уже сознанныхъ ими нуждъ. Мы настаиваемъ на этомъ различіи потому, что игнорированіе его ведетъ постоянно къ такому смѣшенію понятій, при которомъ невозможно мало-мальски успешное обсужденіе программныхъ и тактическихъ вопросовъ. Что-же касается даннаго частнаго случая, то очерченное различіе между пропагандой и агитаціей приведетъ насъ по вопросу о политической дѣятельности русской социалдемократіи къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Уже съ 1896 г. существующіе въ Россіи „Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ ведутъ энергичную политическую пропаганду. Пропаганда эта, возникшая съ самымъ скромнымъ содержаніемъ политическихъ требованій, растетъ въ ширину и въ глубину. Обстоятельство это показываетъ, что въ рабочемъ классѣ уже существуетъ почва для политической пропаганды. Но до сихъ поръ въ Россіи не было ни одного случая борьбы рабочихъ за нужныя имъ политическія права. Русская социалдемократія до сихъ поръ даже не ставила вопроса о томъ, *какими средствами могутъ бороться рабочіе* за свои политическія права. Средства эти до сихъ поръ не указывались рабочимъ, да и гдѣ же эти средства, наконецъ? На Западѣ строили барикады, устраивали манифестаціи и политическія стачки,

подавали петиціи, — которое же изъ этихъ средствъ предлагаетъ Группа Освобожденія Труда современному пролетариату въ современной Россіи? Трудно относиться серьезно къ практическому предложенію, умалчивающему о самомъ главномъ, — о матеріальной силѣ, которая способна осуществить его, и о путяхъ, которыми оно можетъ быть осуществимо. Что касается матеріальной силы, то мы знаемъ, что она „глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ“. Что касается путей, то о нихъ Аксельродъ упорно молчитъ. Этимъ онъ лишаетъ насъ возможности проникнуться глубиной его мысли. Но мы совершенно въ правѣ сдѣлать выводъ, что до сихъ поръ никто не обсуждалъ серьезно средствъ *прямой* борьбы съ абсолютизмомъ, не говоря уже объ указаніи этихъ средствъ рабочимъ.

Слѣдовательно, до сихъ поръ въ Россіи не было политической агитаціи, и мы полагаемъ, что для нея пока еще нѣтъ въ Россіи мѣста. (Мы не говоримъ, конечно, о стихійной революціи, которой никто не можетъ заранѣе „подготавливать“; мы говоримъ лишь о планомерной, организованной борьбѣ). Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ политической пропаганды мы сможемъ перейти къ политической агитаціи? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ моментъ этотъ наступитъ черезъ годъ, быть можетъ, черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной (см. случай съ манифестаціей по поводу смерти Вѣтровой. Мѣтніе Кіевского Союза Борьбы).

Можемъ-ли мы, при такомъ положеніи дѣлъ вносить

въ нашу программу прямую борьбу съ самодержавіемъ? Намъ кажется, что нѣтъ. У насъ есть теперь рабочее движеніе, но оно не носитъ еще политическаго характера. Первое понятіе — рабочее движеніе и по объему, и по содержанию шире второго — политическаго рабочаго движенія. При конституціонномъ образѣ правленія, когда каждый гражданинъ имѣетъ право и обязанъ участвовать въ выборѣ депутатовъ въ законодательное собраніе, — рабочее движеніе неизбежно носитъ политическій характеръ. Конечно, мы здѣсь подразумѣваемъ страны со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Другое дѣло страны съ самодержавнымъ образомъ правленія или высокимъ избирательнымъ цензомъ. Тамъ рабочее движеніе на первыхъ ступеняхъ своего развитія не носитъ политическаго характера. Лишь по мѣрѣ развитія въ странѣ политической жизни, по мѣрѣ роста успѣховъ политической пропаганды и экономической борьбы въ рабочихъ массахъ, рабочее движеніе начинаетъ принимать политическій характеръ. Поэтому, чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ скорѣе рабочее движеніе становится въ ней политическимъ, чѣмъ деспотичнѣе страна, чѣмъ слабѣе развита въ ней политическая жизнь, тѣмъ дольше рабочее движеніе лишено политическаго характера. Объясняется это тѣмъ, что въ политически развитыхъ странахъ рабочіе, непосредственно-участвуя въ политической жизни страны, скорѣе приходятъ къ сознанию своихъ политическихъ интересовъ и къ прямой ихъ защитѣ, тогда какъ въ странахъ, политически отсталыхъ, отсутствіе политической жизни во всѣхъ ея формахъ лишаетъ ихъ возможности непосредственно защищать свои политическія права. Конечно, въ этихъ политиче-

ски отсталыхъ странахъ политическая пропаганда можетъ начаться очень рано, и само самодержавное правительство съ его жандармскимъ режимомъ всегда является лучшимъ пропагандистомъ политическихъ идей, но въ то время, какъ въ передовыхъ, свободныхъ странахъ политическая пропаганда, благодаря условіямъ политической жизни, почти немедленно переходитъ въ политическую агитацію, въ *политическія дѣйствія*, въ деспотическихъ странахъ, политическая агитація, благодаря отсутствію какихъ бы то ни было формъ проявленія политической жизни, не можетъ такъ непосредственно слѣдовать за политической пропагандой. Когда въ нашемъ рабочемъ движеніи назрѣютъ силы для политической борьбы, онѣ не замедлятъ проявить себя и указать агитатору, что его роль должна начаться. „Напасть“ на самодержавіе можно всегда, даже и не сообразуясь съ имѣющимъ на лицо силами и средствами. Но къ чему приведетъ это „нападеніе“? Много-ли труда нужно будетъ употребить самодержавію, чтобы раздавить дерзкихъ смѣльчаконъ?*) А

*) Аксельродъ, кажется, думаетъ иначе. Онъ полагаетъ, что нѣсколько тысячъ петербургскихъ рабочихъ съ кучкой энергичныхъ революціонеровъ во главѣ могли бы низвергнуть самодержавіе: „Будь у насъ теперь серьезная организація энергическихъ революціонеровъ (въ родѣ „народовольческой“ или „Земли и Воли“), пріобрѣтшая популярность въ средѣ хотя бы нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ социальная демократія въ Германіи“ (Соц. дем. кн. 4. стр. 26). Между прочимъ. То обстоятельство, что въ рабочемъ движеніи мы не встрѣчаемъ такихъ „серьезныхъ организацій“, годныхъ для военнаго нападенія, показываетъ, что рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговоры.

всякая неудавшаяся попытка политической борьбы задерживает накопление революционных силъ. Мы не имѣемъ права строить планы своей агитаціи на „догадкахъ“ о томъ, что такія силы существуютъ. Назрѣвшую въ рабочемъ классѣ потребность въ политическихъ правахъ и готовность его выступить на борьбу съ правительствомъ нельзя ни спрятать, ни просмотреть. Она должна въ той или иной формѣ вылиться наружу и показать, что моментъ перехода отъ политической пропаганды къ политической агитаціи наступилъ.... Подобно тому, какъ экономическая агитація началась лишь тогда, когда въ рабочей массѣ самопроизвольно (безъ непосредственнаго участія интеллигентовъ) началось стачечное движеніе, такъ и политическая агитація можетъ быть начата лишь тогда, когда сами рабочіе самопроизвольно (безъ революціонной бациллы—интеллигенціи) начнутъ борьбу съ самодержавіемъ. Поступая иначе, мы дадимъ русскому правительству крупный поводъ выхватывать изъ нашей среды лучшія силы, столь необходимыя для роста и развитія рабочаго движенія. Мы должны не допускать попытокъ беспочвенной политической агитаціи точно такъ-же, какъ мы избегаемъ провокаторовъ.

Такимъ образомъ, интересы самой русской революціи заставляютъ насъ пока ограничиваться политической пропагандой, избѣгая всѣми силами политической агитаціи*).

Слѣдовательно, въ программѣ русскихъ социалдемократовъ, соответствующей дѣйствительной жизни, не

*) Мы говоримъ объ организованной, а не стихійной борьбѣ, въ которой нѣтъ мѣста агитатору.

можетъ быть мѣста прямой политической борьбѣ съ самодержавіемъ. Въ ней есть мѣсто только политической пропагандѣ. Въ интересахъ будущей политической борьбы мы должны всѣми силами избѣгать ея пародіи въ настоящемъ.

Намъ могутъ возразить, что это—утопія. Отказъ отъ политической борьбы означаетъ отказъ отъ рабочаго движенія вообще. При русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможно никакое рабочее движеніе, невозможны никакія серьезныя улучшенія въ быту рабочихъ (Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи, стр. 11), слѣдовательно, чтобы сдѣлать возможнымъ рабочее движеніе, мы должны низвергнуть самодержавіе*).

Впрочемъ это опровергается успѣхами, достигнутыми русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Стачечное движеніе дало намъ улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, фабричное законодательство, боевыя организаціи въ рабочемъ классѣ. Мирныя, легальныя и нелегальныя, организаціи растутъ съ каждымъ годомъ. Наконецъ, всѣ усилія самодержавнаго правительства не могутъ уничтожить политической пропаганды.

Болѣе того: всѣ эти формы дѣятельности пролетаріата, не представляя изъ себя непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, косвенно являются ею и несутъ, слѣдовательно, политическій характеръ, in zweiter Linie, какъ говорятъ нѣмцы. Въ самомъ дѣлѣ: простой ростъ числа мирныхъ организацій создаетъ для рабочихъ постепенно обычное право участвовать въ нихъ.

*) Аргументъ, выставляемый послѣдовательно всѣми фракціями русской революціонной интеллигенціи, борющейся за улучшеніе положенія того или другого слоя „трудящагося класса“.

Частое повтореніе стачек лишаетъ силы существующее въ русскомъ сводѣ законовъ запрещеніе ихъ. Политическая пропаганда, выражающаяся главнымъ образомъ въ распространеніи нелегальныхъ изданій, дѣлаетъ бессильнымъ существующія запрещенія свободы печати. Наконецъ, все виды самостоятельности рабочихъ готовятъ постепенно свободу собраній и слова. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны масовыя собранія рабочихъ въ подгороднихъ рощахъ и дѣсахъ. Такимъ образомъ, практика современнаго рабочаго движенія выводитъ изъ употребленія многія ограниченія свободы, существующія въ русскомъ сводѣ законовъ. Для иллюстраціи нашихъ словъ приведемъ 2-3 примѣра изъ исторіи рабочаго движенія въ Петербургѣ. Примѣры эти наглядно показываютъ, какъ измѣняется поведеніе правительственныхъ органовъ подъ влияніемъ рабочаго движенія. Во время стачки 1896 г. министръ финансовъ Вите запретилъ фабрикантамъ уступать требованіямъ рабочихъ, обѣщая покрыть ихъ убытки изъ казенныхъ средствъ. Во время январской стачки 1897 г., грозившей принять размѣры тѣней, министръ финансовъ не запрещалъ уже болѣе фабрикантамъ дѣлать уступки стачечникамъ. Во время лѣтней стачки, именно 7-го іюня, околдочные въ сопровожденіи городскихъ и дворниковъ врываются въ квартиры рабочихъ и стаскивали съ постелей рабочихъ и работницъ, чтобы вести ихъ на фабрику „работать“. Рабочіе прятались, куда могли (на чердаки, въ погреба), запирались въ своихъ квартирахъ и не пускали полицію. А тотчасъ-же послѣ стачки петербургскій градоначальникъ издалъ новыя правила полицейской службы, въ которыхъ значится: „помощь полиціи про-

является только тогда, когда въ ней нуждаются, въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ, а иначе, она будетъ незаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла... Въ этихъ случаяхъ полицейскій чинъ нарушилъ бы святость и неприкосновенность домашнего очага, могъ быть безнаказанно выгнанъ изъ дома“.

Конечно, все эти уступки правительства не представляютъ еще собою конституціи. Уступки эти носятъ чисто мѣстный характеръ, распространяются лишь на наиболее энергично-защитающихъ свои интересы рабочихъ. Съ другой стороны, уступки эти—временныя, потому что какъ только ослабѣетъ сила сопротивленія рабочихъ, онѣ будутъ взяты назадъ. Законъ долженъ распространить эти уступки на весь рабочій классъ и закрѣпить ихъ за рабочими. Мы не преувеличиваемъ значенія этихъ уступокъ, но и не умаляемъ его. *Онѣ подготовляютъ почву для измѣненія всего государственнаго строя Россіи.*

Такимъ образомъ, въ то время какъ Группа Освоб. Труда со всею существующей у ней энергіей стремится къ прямой борьбѣ съ правительствомъ, — наши русскіе товарищи, „индифферентно“ отиссяшіеся къ политикѣ, давно уже ведутъ косвенную борьбу съ самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ нѣтъ громкихъ побѣдъ, нѣтъ шумныхъ сраженій; это работа крота, подрывающагося подъ самыя основы существующаго политическаго строя. На чьей-же сторонѣ должны быть справедливыя симпатіи: на сторонѣ ли полководца безъ арміи, незнающаго путей, ведущихъ къ желанной цѣли и безъ усталы размахивающаго въ теченіи полутора десятка лѣтъ *бумажнымъ мечемъ*, или на сторонѣ незамѣтныхъ тружениковъ, безъ шума и блеска дѣлаю-

щихъ изъ дня въ день нужное дѣло, которое подсказываетъ имъ жизнь?

Резюмируемъ. Послѣ пораженія Народной Воли для русской революціонной интеллигенціи наступилъ кризисъ. Былъ поставленъ вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ? Какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?“ Отвѣтомъ на эти вопросы и явилась программа Группы Освобожденія Труда 1885 года. Она обратила вниманіе русской демократической интеллигенціи на рабочій классъ. Въ этомъ великая заслуга Группы Освобожденія Труда. Конечно, программа эта, писанная для интеллигентовъ, стремящихся заняться рабочимъ вопросомъ, не годна была для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои интересы. Поэтому она не привилась въ Россіи. Возникшее въ концѣ 80-хъ годовъ организованное движеніе среди рабочихъ шло помимо этой программы, игнорируя ея существованіе. Вотъ причины этого игнорирования: 1) программа Группы Освобожденія Труда не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ту ступень сознанія своихъ интересовъ, на которой стоятъ русскіе рабочіе. 2) Игнорируя внутреннія дѣла пролетаріата, она концентрируетъ все свое вниманіе на его внѣшнихъ отношеніяхъ къ правительству. Принципы, которыми руководствуется современное русское рабочее движеніе, изложены не въ статьяхъ Группы Освобожденія Труда, а въ брошюрѣ объ „Агитаціи“*). Принципы эти прямо противоположны

*) Стоя на почвѣ этихъ принциповъ, мы можемъ формулировать ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія слѣдующимъ образомъ:

- 1) Экономическая агитація. 2) Организація рабочихъ во все-

вышеуказаннымъ принципамъ Гр. Освобожденія Труда. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о русской революціи, о „низверженіи самодержавія“. Гр. Освобожденія Труда требуетъ прямой борьбы съ правительствомъ, не вѣсивъ, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, *идь пути**) для нея. Русскіе-же товарищи, не вступая въ прямую борьбу съ правительствомъ, ведутъ ее косвенно, — потому что всякое проявленіе общественной самостоятельности рабочаго класса въ самодержавномъ государствѣ является шагомъ впередъ по пути къ правовому порядку. Все эти соображенія заставляютъ насъ высказаться рѣшительнымъ образомъ противъ признанія программы Группы Освобожденія Труда 1885 года — программю русскаго рабочаго движенія. Программа эта и теперь, въ 1898 году, столь же мало соответствуетъ русской дѣйствительности и задачамъ русскаго движенія, какъ и въ 1885, и въ 1896 г. г.

Въ заключеніи нѣсколько словъ по адресу тѣхъ враговъ русскаго рабочаго движенія, которые сочтутъ

возможнаго общества и союзы. 3) Политическая пропаганда. Литература-же, издаваемая заграницей, должна прекратить свои разговоры о томъ „прекрасномъ будущемъ“, когда мы будемъ „свергать самодержавіе“, и помочь русскимъ товарищамъ въ этихъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ нуждахъ русскаго рабочаго движенія.

*) Это обстоятельство не можетъ быть объяснено конспиративными цѣлями, такъ какъ въ программѣ рѣчь идетъ не о заговорѣ, а о *массовомъ движеніи*. Масса-же не можетъ идти тайными путями. Развѣ возможна тайная стачка? Развѣ возможна тайная манифестація или тайная петиція?

появление нашей статьи за „раскол“ въ рядахъ русской социалдемократіи. Мы советуемъ этимъ господамъ обратить вниманіе на то, какъ часто мы цитировали Аксельрода въ пользу нашихъ взглядовъ. Конечно, въ практическихъ выводахъ изъ принциповъ, и для него, и для насъ являющихся „аксіомой“, между нами существуетъ большая разница; но мы — члены одной партіи и безпрекословно подчинимся постановленію *большинства* членовъ этой партіи. Каковы бы ни были наши разногласія, они исчезнутъ въ тотъ день, когда появится программа русской социалдемократіи. Мы — не секта, а партія, и отдѣльные разногласія не могутъ помѣшать намъ идти объ руку въ общемъ дѣлѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ИЗДАВІЙ
ГРУППЫ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА“.

Подъ вліяніемъ всепоглощающей практической дѣятельности въ сферѣ пропаганды и агитаціи среди рабочихъ и сильнаго запроса на популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстанванія такъ называемаго „экономическаго“ материализма въ легальной печати, интересъ къ литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ социалдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія. Явленіе это имѣетъ достаточное оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя мы только что напомнимъ. Но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло не отразиться вреднымъ образомъ на идейномъ развитіи нашего движенія. Въ Россіи, меньше, чѣмъ гдѣ нибудь на Западѣ, равнодушіе къ своимъ теоретическимъ интересамъ можетъ безнаказанно проходить для социалдемократіи. Исключительность положенія русской социалдемократіи и чрезвычайная сложность задачъ, навязываемыхъ ей этимъ положеніемъ, требуетъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата.

Она приобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи.

Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій социалдемократіи теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Теоретически наиболѣе созпательные